

**РАЙНЕР МАРИЯ
РИЛЬКЕ**

**ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ
В ВЕНЕЦИИ**

Санкт-Петербург

КНИГА КАРТИН

Первой книги первая часть

ВСТУПЛЕНИЕ

Кто ты таков, ты знаешь сам давно;
из дому выйти ты во тьму готов;
где дом, там даль, а ночи все равно,
кто ты таков.

Глазами, не успевшими устать,
когда переступаешь ты порог,
воздвигнешь дерево, где тишь да гладь,
где черный ствол под небом одинок.
Так мир Ты сотворил, а мир велик;
в молчаньи Слово затаило суть.
Уверившись, что смысл его постиг,
своим глазам позволишь отдохнуть.

ВЕЯНЬЕ АПРЕЛЯ

Снова апрельский дух;
жаворонки взлетели
в небо, где плечам тяжел свет,
а сквозь ветви уже виден день,
чей в пустоте расцвел свет, —
но после сумерек длительных
и дождливых
солнечно-золотая
рань сквозь туманы
проступает, на фасадах зданий витая,
где окна, как раны,
открываются среди теней боязливых.

Потом тишина. Без всякой отсрочки
дождь сверкает на мостовой,
и звук его живой
впадает в блеснувшие почки.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ
К ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЮ ГАНСА ТОМА

ЛУННАЯ НОЧЬ

Такую ночь назвать негоже хмурой;
южнонемецкий воздух при луне
часы роняет с башни в тишине,
чтобы они тонули в глубине,
а сторожа, фигура за фигурой,
прошли, перекликаясь, в стороне,
и скрипка зазвучала как во сне,
напоминая вслух о белокурой.

РЫЦАРЬ

Едет рыцарь в панцире черном, стальном —
навстречу любви и вражде.

Все впереди: даль, дол за холмом,
пиршества, прелести дам и дом,
Грааль в награду, песнь за вином;
в тысяче образов и в одном
Бог перед ним везде.

Панцирь — тюрьма стальная, литая,
узилище или обитель,

где смерть сидит, мечтая, мечтая:
где мой освободитель,
чей меч — мои оковы
ради доброго дела
разрубит, и вместо обновы
свобода будет сначала
для скрюченного тела,
чья мышцы готовы:
ах, как я бы играла
и пела!

ДЕВИЧЬЯ МЕЛАНХОЛИЯ

Мой рыцарь юный предан мне
почти как древний стих.

Приходит он, как по весне
вихрь налетает в тишине,
уходит, как в голубизне
звон колокольный в стороне,
где свет преображен.
С глухой тоской наедине
слезу в прохладном полотне
ты прячешь: плач твой тих.

Мой рыцарь юный верен мне,
и он вооружен.
Улыбкою при ясном дне
сияет он, и в белизне
слоновой кости, в тонком сне
его черты, как свет в окне
морозном, жемчуг на стене
и при луне
страницы книг твоих.

О ДЕВУШКАХ

I

Иные пролагают мечтами
к темным поэтам путь
и просят кого-нибудь,
чтобы позволил взглянуть,
как струны ладят перстами;
но для девушек простых
мост к видениям не нужен;
их улыбки — нити жемчужин
над серебром, украшающим пир;

ими-то доступ и обнаружен
и к поэту,
и в этот мир.

II

Девушки! От вас одних поэты
научились говорить о вас,
находя не ваши ли приметы
в звездах, предвещающих рассветы
вечностью, чей наступает час.

Но пускай поэты молят страстно,
знайте: как мольбы ни горячи,
им вы уступили бы напрасно,
ибо соблазняться вам опасно
даже тяжестью парчи.

Пусть поэт мечтает о свиданьи
со своей мечтой наедине
в сумрачном саду, где в тишине
на скамье сидел он в ожиданьи,
в комнате, где лютня на стене.

Вас не ищет он среди лиц и звуков;
дорожит он сумраком дорог,
так же безнадежно одинок,
светлой не застав под сенью буков,
рад к себе забиться в уголок.

...И ему противны голоса,
вечно доносящиеся хором
из толпы, где слишком многим взорам
ваша подвергается краса.

ПЕСНЬ ИЗВЯЯНИЯ

Кто любит меня любовью такой,
чтоб жизнью не дорожить
и утопиться в пучине морской,
чтоб каменный мой разрушить покой,
лишь бы мне жить, жить?..

Где кровь моя? Камень мне надоел,
гнетущую тишь храня,
а жизнь хороша, желанный удел.
Где тот, кто настолько смел,
чтоб разбудить меня?

Пусть будет мне жизнь золотая дана
в изобилии благ...

Буду плакать одна,
над морем вечно грустна;
хоть моя кровь хмельнее вина,
но не отдаст морская волна
того, кто любил меня так.

СУМАСШЕДШАЯ

Думает что-то, что-то тая...

Ты кто такая, Мари?

Я королева, вот кто я!

Предо мной на коленях замри!

Плачет она: я была... была...

Кем ты была, Мари?

Я дочь ничья, ни двора ни кола.

Вот и поговори!

Так что ж, королева ты, сирота,

вставать не велишь с колен?

Меня морочила нищета,

когда не ждешь перемен.

Судьбу тебе удалось превозмочь

скажи, с какого же дня?

Ночь, ночь, всего одна ночь,

и все узнали меня.

Я вышла, и что же, ты посмотри:

на струнах улиц одна

я вся Мари, изнутри, изнутри,

в танец вовлечена.

Прижаты люди к стенам давно,

так что не оторвать,

и лишь одной королеве дано

на мостовой танцевать.

ЛЮБЯЩАЯ

Вся струюсь, и нет со мною сладу.
Пальцы рук моих обречены
упускать меня, мою досаду,
и сквозь эту мнимую преграду
тяга не с твоей ли стороны.

Эти дни, когда, меня тревожа,
молча шло одно, как я одна,
с чуткой тишиною камня схожа,
под которым плещется волна.

Но как только мною завладели
первые весенние недели,
отпадать от года мне пора;
нечто теплую мою истому
в руки отдает ему, чужому,
кто не знал меня еще вчера.

НЕВЕСТА

Любимый! Окликни меня, я одна,
я давно у окна, ты меня пожалей.
Средь платановых старых аллей
вечер давно погас,
и пусто сейчас.

А если не хочешь ты в дом со мной,
на ночь со мной вселиться,
придется мне броситься в сумрак ночной,
в сад, чтобы с темной голубизной
мне слиться...

ТИШИНА

Слышишь, любимая? Поднял я руки...
Шорох среди тишины.
Жест одинокий... Но если не звуки,
шорохи разве тебе не слышны?
Слышишь, любимая? Вместо зова
шорох ресниц, затаивших свет.
Слышишь, любимая? Поднял я снова
веки, но тебя нет.

Движений моих отпечатки
в шелковой тишине зримы;
неповторимы тревог моих складки
на занавеси, уходящей вдаль.
Звезды вдыхаю, вбираю
в себя.
Запахи пью, как вина,
вижу я близ притина
ангельские запястья;
и ты едина со мною, мыслю тебя,
но где же ты...

МУЗЫКА

Что ты играешь, мальчик? Песнь одна,
что бы сады, повеяв, ни внушали.
Что ты играешь, мальчик? Не душа ли
твоя в стволах сиринги пленена?

Зовешь ее, томящуюся в звуке,
как в одиночной камере тоски;
пусть жизнь сильна, сильнее песня в муке,
и слезы упоительно близки.

Верни в молчанье душу, чтобы просто
ютиться ей в текучести безбрежной,
где снова роскошь радостную роста
не укротить игрой твоею нежной.

Она померкла, но еще цела.
Что ты наделал, юный расточитель?
Подрезал песней у нее крыла,
чтоб залететь на зов мой не могла
ко мне в мою веселую обитель.

АНГЕЛЫ

Их души — свет неокаймленный,
устали певчие уста;
сон — грех для них преодоленный,
тем соблазнительней мечта.

Почти похожи на сигналы,
они молчат средь Божьих рощ,
включенные, как интервалы,
в Его мелодию и мощь.

Но крылья их за облаками,
где с ними ветер-лития,
пока ваятель Бог веками
необозримыми руками
листает Книгу Бытия.